

АЛЕКСЕЙ АБРАМЫЧЕВ

СОВЕТСКИЙ МАРШАЛ

К 100-летию со дня рождения Николая Николаевича Алексева

О маршале Н. Н. Алексееве писать непросто. По многим причинам. Николай Николаевич дневников не вёл, редко писал личные письма, обладал сдержанной манерой общения. В особенности в выражении своих мыслей и чувств, хотя сам был человеком внутренне эмоциональным. Записей после себя не оставил. Его жизнь была настолько насыщенной, что было не до воспоминаний. Тяжело раненный на войне, он о ней, стесняясь сочувствия, не любил рассказывать. Это было характерной чертой его личности. Все, кто общался с Николаем Николаевичем, знали это свойство его характера: не выделяться среди окружающих.

В этой связи у меня появилось искушение в рамках небольшого очерка попытаться рассказать о событиях, связанных с жизнью этого незаурядного человека.

Николай Алексеев родился в славном русском городе Ростове Великом 13 июня 1914 года. Вот уже и 100 лет прошло... Эти годы, наряду с революцией, вместили в себя четыре войны: Первую мировую, гражданскую, Советско-финскую и Отечественную. Довелось Николаю повоевать и в финскую, и Отечественную, но в детской памяти сохранились и впечатления о годах Первой мировой и гражданской. Младенцем под стенами Ростовского Кремля – на берегу озера Неро – ему суждено было услышать тревожный набат церковных колоколов. Память отрока сохранила колонны новобранцев на улицах города, калек на ступенях церквей, рабочих, перепоясанных патронными лентами пулемёта “максим”, белогвардейцев, покидающих Ростов под натиском Красной Армии.

Детство Николая было голодным. Но, как и большинство его сверстников, он принял революцию, включился в переустройство жизни на новый лад. После смерти отца в 1917 году нужда, вызванная революционным хаосом, заставила его с матерью в поисках работы переехать в Ярославль. По словам родных, учился Коля легко, с интересом, науки осваивал основательно. Со школьных лет почувствовал тягу к конструированию (мастерил радиоприёмники) и проявил способности лидера – был выдвинут в члены учительского/ученического совета, участвовавшего в формировании учебных программ. Сформированное в школе кредо равенства помогало ему чувствовать себя в дальнейшей жизни свободно, независимо в любой обстановке.

В 1927 году стремление получить дальнейшее образование вынудило его с матерью перебраться в Ленинград. Будучи студентом Ленинградского элек-

тротехнического техникума, он сплотил вокруг себя дружный коллектив, не расставался с ним даже в каникулы, совершая многодневные походы по пушкинским местам, на любимый М. Ю. Лермонтовым Кавказ, по закавказской Военно-грузинской дороге, в Южную Осетию и Грузию...

В 1935 году Николай Алексеев, поступив в Ленинградскую электротехническую академию, до конца жизни соединил свою судьбу с Вооружёнными силами, пройдя все ступени воинской карьеры: от рядового до маршала войск связи, начальника Вооружений Вооружённых сил (ВС), заместителя министра обороны СССР.

В Академии он возглавил коллектив слушателей, занимающихся модернизацией радиотехнических приборов. Результаты своей деятельности как конструктора он проверил во время войны с Финляндией (1939–1940), проходя дипломную практику в качестве рядового сапёра. Творческий вклад в совершенствование отечественных миноискателей, выходявших из строя в 30–40-градусные морозы, и испытание их в боевых условиях – яркое свидетельство его способности выполнять сложные, потенциально опасные боевые задания. Эта работа не пропала даром, она позволила разгадать и обезвредить самые хитроумные минные ловушки врага, что спасло жизни тысячам наших бойцов. Не все, кто был с ним, вернулись из той “командировки” домой...

После окончания учёбы с красным дипломом Алексеев был рекомендован в адъютантуру. Но молодой офицер предпочёл должность преподавателя в Ленинградском военном училище воздушного наблюдения оповещения и связи (ВНОС), где проходили ускоренную подготовку операторы РЛС (радиолокационных станций). Курсант Г. В. Кисунько (будущий член-корреспондент АН СССР, генеральный конструктор отечественных систем ПРО) был одним из его учеников. В своих воспоминаниях учёный тепло пишет о Николае Николаевиче, о его врождённом даре учителя, о встрече и последующей дружбе с выдающимся конструктором систем ПВО – академиком Александром Андреевичем Расплетиним.

Начавшаяся летом 1941 года война с гитлеровцами потребовала усиления противовоздушной обороны (ПВО) страны. Высокая квалификация Алексеева в сфере электроники и радиолокации нашла применение в действующей армии. С июля 1942 года он в качестве специалиста по радиопеленгованию, обладающего навыком настройки радиопеленгаторов, перемещается по всему фронту, обучая расчёты боевому применению аппаратуры ВНОС частей ПВО, пока едва не лишился жизни, попав на передовой в авиационную катастрофу...

В 1943 году, вернувшись после ранения из госпиталя, “хромающий майор” организует в штабе Западного фронта эксплуатацию радиопеленгаторов в боевых условиях, а в 1944 году возглавляет отдел вооружения Северного фронта ПВО, обеспечивает установку на боевое дежурство поступающих на фронт отечественных и зарубежных радаров. Его боевой опыт получил особую оценку руководства. Подтверждением тому является вывод очередной аттестации: “Обладает достаточными организаторскими способностями по руководству использованием радиолокационной техники в масштабах фронта”.

Майские победные дни 1945 года Алексеев встретил на улицах горящего Берлина, где в составе группы специалистов, возглавляемой будущим генеральным конструктором зенитных ракетных систем академиком А. А. Расплетиним, изучал систему организации территориальной ПВО поверженного врага. Их встреча переросла в творческий союз.

По возвращении из Германии майор Н. Н. Алексеев был направлен в легендарный Артком ГАУ. Именно там Николай Николаевич высказал идею использования РЛС для обнаружения наземных движущихся целей, что было необычно и ново в военном деле. К решению этой задачи Алексеев и сумел привлечь своего друга – главного конструктора А. А. Расплетина. По решению начальника ГАУ маршала артиллерии Н. Д. Яковлева свои предложения инженеры доложили на совещании в Комитете по радиолокации академику Аксель Ивановичу Бергу. Последующая работа дала выдающиеся результаты: в 1947–1949 годах была разработана и принята на вооружение станция наземной артиллерийской разведки (СНАР-1), не имевшая аналогов в мире. Характеристики этой системы стали неожиданными даже для её создателей. На испытаниях СНАР-1 позволяла обнаруживать движущийся танк на дальности 16 км, а одиночного солдата – до 5 км. С учётом новизны и полученных боевых характеристик СНАР-1 её разработчикам была в 1951 году присуждена Ста-

линская премия. В очередной аттестации Н. Н. Алексеева появилась запись: “Заслуживает присвоения воинского звания во внеочередном порядке”.

Николай Николаевич никогда не был публичен, всегда держался в тени, но его хорошо знали и уважали учёные и конструкторы с мировым именем, среди них академики С. П. Королёв, М. В. Келдыш, В. Н. Челомей, М. К. Янгель, А. Н. Туполев, П. Д. Грушин, А. С. Яковлев, А. П. Александров, М. П. Макеев, Ю. Б. Харитон и, конечно, его друг А. А. Расплетин.

Работа Алексеева в Совмине пришлась на тревожное время. Корейская война была в самом разгаре. Спрос за качество поставляемого в КНДР боевого вооружения был жёстким. В конце 1951 года Алексеев оказался невольным свидетелем трагедии, разыгравшейся в ГАУ, в связи с массовым выходом из строя в Северной Корее противооткатных устройств зенитных орудий комплекса С-60. В них стали ломаться пружины. “Сегодня трудно себе представить, — вспоминал член-корреспондент АН СССР генерал-лейтенант Г. В. Кисунько, — что посадили за “проклятую пружину” в феврале 1952 года не конструктора, а маршала артиллерии Н. Д. Яковлева. Маршала, которого много лет знал и высоко ценил сам Сталин...”

Но это показательно: в те времена ответственность несли все, даже самые высокопоставленные сотрудники. На “стрелочников” не списывали. Эта история стоила не одной бессонной ночи не только подследственным и их семьям, но и их товарищам по оружию, включая Алексеева, хорошо знавшего Н. Д. Яковлева с 1945 года. Поставленные в Корею орудийные батареи имели в своём составе, наряду с пушками, радиолокаторы и счётно-решающие приборы (ПУАЗО). В них не было злополучных пружин, однако было полно ламп и другой начинки, и все они периодически выходили из строя, так что волноваться было от чего...

В высший руководящий состав Вооружённых сил СССР Алексеев был введён с должности председателя НТК Генштаба (1970) по предложению министра обороны А. А. Гречко (с 1973 — член Политбюро ЦК КПСС). В эти годы при участии НТК Генштаба и аппарата начальника Вооружений, возглавляемых Алексеевым, были созданы ядерные силы и **достигнут стратегический ракетно-ядерный паритет с США и НАТО**, обеспечивший длительную стабильность на мировой арене.

Как крупный военачальник и военный специалист в области вооружений, обладающий широким техническим кругозором, Н. Н. Алексеев в 1970-1972 годах был привлечён руководством страны к участию в знаменитых переговорах СССР и США, закончившихся подписанием Договора ОСВ-1.

* * *

Что за фигуры стояли во главе видов Вооружённых сил СССР в начале 1970-х годов? Ракетные войска стратегического назначения возглавлял главный маршал артиллерии В. Ф. Толубко, Сухопутные войска — генерал армии И. Г. Павловский, ВВС — главный маршал авиации П. С. Кутахов, ПВО — маршал Советского Союза П. Ф. Батицкий, ВМФ — адмирал флота Советского Союза С. Г. Горшков. Все они соответствовали своим должностям не только по формальной оценке первых лиц государства, но и по оценкам руководителей военно-промышленного комплекса и высших офицеров всех уровней. Неспорно в тот период наши армия и флот обеспечивали паритет Союза ССР и США в области вооружённых сил и вооружений в мире. Это были достойные люди. Заслужить авторитет этих лиц было непросто.

До Отечественной войны за вопросы вооружений и военной техники в ранге заместителя наркома (министра) обороны (Вооружённых сил, Военного министерства) отвечали крупные военачальники — маршалы Советского Союза М. Н. Тухачевский (1931-1937) и Г. И. Кулик (1937-1941). Их судьба — отдельная тема. Она сложилась трагически.

В послевоенное время эту должность последовательно занимали маршал артиллерии Н. Д. Яковлев (1948-1951), академик адмирал А. И. Берг (1953-1957) и генерал-полковник артиллерии А. В. Герасимов, который в 1964 году был переведён на должность 1-го заместителя начальника Генштаба ВС по вооружению. В своей деятельности они опирались на ярких соратников. Среди них не было случайных людей. В видах ВС эту работу возглавляли мар-

шал артиллерии П. Н. Кулешов (Сухопутные войска), генерал-полковники Г. Ф. Байдуков (ПВО), Е. В. Бойчук (РВСН), М. Н. Мишук (ВВС), адмирал П. Г. Котов (ВМФ).

Обладая опытом эксплуатации ВВТ в годы войны и испытательной работы на полигонах, эти люди представляли собой интеллектуальную элиту военных инженеров нашего Отечества. Все они по своему служебному рангу, званиям и авторитету генерал-полковнику Н. Н. Алексееву не уступали.

Тем не менее, в 1970 году начальником Вооружений ВС в ранге заместителя министра обороны был утверждён Н. Н. Алексеев. Это назначение (с должности председателя Научно-технического комитета Генштаба ВС) через голову его начальников – генерала армии Н. В. Огаркова и генерал-полковника артиллерии А. В. Герасимова – явилось для консервативной военной среды событием неординарным.

Выбор министра обороны маршала Советского Союза А. А. Гречко не был случаен. Он состоялся по согласованию с Л. И. Брежневым. Дело в том, что Николаю Алексееву принадлежала идея внедрения в практику системы программно-целевого планирования вооружения и военной техники на межвидовом уровне. В основу её воплощения в жизнь Н. Н. Алексеев положил труды школы советских учёных Е. С. Вентцель, Н. П. Бусленко, Г. С. Поспелова, Ю. В. Чуева и др. по теории эффективности стрельбы, исследованию операций и оптимизации принятия решений, связанных с созданием вооружения и военной техники.

Любой военный, работавший в сфере заказов вооружений, поймёт всю масштабность возложенной на Алексеева задачи, имея в виду, что его новации в то время не для всех были очевидны. “Крепкие руководители”, привыкшие “рулить” по своему усмотрению, видели в ПЦП (программно-целевое планирование) покушение на свои права. Свои предложения о переходе на программное планирование Алексеев представил министру обороны А. А. Гречко в конце 60-х годов прошлого столетия вместе с проектом новой структуры Управления вооружения. Жизнь подтвердила своевременность этого решения. Пришедший на место А. А. Гречко в 1976 году Дмитрий Федорович Устинов, столкнувшись с проблемами, связанными с усилением прессы военных расходов, признал большое значение перехода на новую государственную систему программно-целевого планирования ВВТ.

Он заявил на Коллегии Минобороны: “...Проделана гигантская работа, которая позволяет нам теперь планомерно и уверенно развивать военно-техническое могущество на продолжительную перспективу”. Оценка для скупого на похвалу Дмитрия Федоровича – высочайшая.

Знавший хорошо Н. Н. Алексеева член НТК Генштаба ВС лауреат Ленинской премии генерал-майор Р. А. Валиев отмечал: “Пример Николая Николаевича как личности раскрывает возможности руководителя, занимающего относительно скромный в служебной иерархии пост, добиваться выдающихся результатов, порой далеко выходящих за рамки его полномочий. Благодаря своим знаниям, энергии и работоспособности, он придал всем работам в НТК Генштаба необходимый размах и динамизм. Кто входил в соприкосновение с ним, не мог не отметить его ум, волю и целеустремленность. Это был человек, умеющий доводить дело до конца. Проводившиеся им совещания были деловыми, всегда результативными и никогда не затягивались. Разработанные под его руководством постановления ЦК КПСС и Совмина СССР были также результативны. Он был мастером неожиданных нестандартных решений, быстр в работе, не пренебрегал выездами на объекты и личным знакомством с результатами работ. Всё вместе взятое позволило НТК Генштаба (Комитет Генштаба) занять одно из ведущих мест в управлении оборонно-промышленным комплексом страны. Поэтому передача функций Комитета аппарату начальника Вооружения ВС, по факту, была вполне закономерна – это было официальным признанием его места в системе управления Вооружённых сил страны.

Я познакомился с Николаем Николаевичем в 1967 году (когда он был председателем НТК Генштаба ВС), сопровождая начальника ГРАУ П. Н. Кулешова на совещании у маршала А. А. Гречко, на котором обсуждались результаты совместных испытаний зенитного комплекса “Куб” и проводимые исследования возможности применения “боевого вертолёт против танка”. Во второй раз я встретился с ним во внеслужебной обстановке – на праздничном ужине в ресторане “Славянский базар”, организованном по поводу присвоения звания

“маршал артиллерии” начальнику ГРАУ П. Н. Кулешову. В “Славянском базаре”, кроме других приглашённых, находились маршал артиллерии Н. Д. Яковлев, генерал-полковники Н. Н. Алексеев и И. И. Волкотрубенко.

Запомнился мне тогда негромкий голос Н. Н. Алексеева. И одна его, на первый взгляд, незначительная реплика, характеризующая его как человека. На похвалу маршала Кулешова, высоко оценившего его роль в становлении НТК Генштаба, Николай Николаевич, поблагодарив маршала, с ходу ответил: “В НТК я пришёл, когда коллектив НТК был уже сформирован. В этой связи уточню: моей заслугой является то, что я смог по достоинству оценить высокую квалификацию и культуру доверенного мне коллектива, построить работу на взаимном уважении друг к другу, а также в том, что за семь лет работы в Комитете мне не удалось испортить этот коллектив”.

* * *

Работая в НТК Генштаба, Алексееву удалось расширить и укрепить связи с институтами АН СССР и Высшей школой как в области фундаментальных наук, так и прикладных исследований, наладить координацию работ заказывающих управлений, а также контроль за выполнением важнейших оборонных ОКР (опытно-конструкторских работ) и НИР (научно-исследовательских работ), проводимых институтами различных видов Вооружённых сил и Секцией по оборонным исследованиям при Президиуме АН СССР. Отвечая за развитие вооружения в целом (для Минобороны, Высших органов военного управления, Внутренних и Пограничных войск, Войск специального назначения), Алексеев в своей работе опирался на своих соратников – военных специалистов, а также учёных НИИ и КБ промышленности. Вместе с ними он выделял приоритеты исследований и поддерживал смелые проекты, открывая зелёную улицу одарённым учёным и конструкторам. В Секцию были привлечены учёные по главным научным направлениям, связанным с оборонным комплексом страны (в области математики, физики, химии, информатики, энергетики, машиностроения, механики и информационных технологий, а также физиологии и фундаментальной медицины). Коллектив Секции возглавлял член-корреспондент АН СССР генерал-лейтенант Г. С. Поспелов (позже академик РАН). Её филиалы размещались в региональных отделениях АН СССР и тесно работали с крупными академическими НИИ.

В 1970 году члены НТК Генштаба, большинство из которых имело генеральские звания, были переведены в аппарат начальника Вооружений. Когда мне было предложено перейти из Главного ракетно-артиллерийского управления (бывшее ГАУ) во вновь созданную Группу специалистов, подчинённую непосредственно Алексееву, я воспринял это как подарок судьбы. Поэтому о многих фактах, связанных с его деятельностью, я знаю не понаслышке, многое происходило на моих глазах.

Дальнейший рассказ поясню примерами. Работа Группы была организована по аналогии с НТК Генштаба. В наши обязанности входила координация и контроль организации не только НИР в обоснование Основных направлений развития ВВТ и опытно-конструкторских работ (ОКР) по важнейшим образцам вооружения, но и обеспечение деятельности Военно-технического совета Минобороны (ВТС МО), председателем которого являлся Алексеев.

В заседаниях Совета участвовали, наряду с руководящим составом всех видов ВС, главных центральных управлений Минобороны, представители оборонной промышленности и Правительства. Решения ВТС МО утверждались членом Политбюро ЦК КПСС А. А. Гречко (с 1976 – Д. Ф. Устиновым). В этой связи они принимались к исполнению как Минобороны, так и оборонными отраслями промышленности.

К заседаниям Военно-технического совета Минобороны в каждом случае по конкретной проблеме привлекались также приглашённые специалисты по данному вопросу из промышленности, АН СССР и Минобороны. На заседаниях рассматривались проблемы развития ВВТ Вооружённых сил и его видов (РВСН, СВ, ПВО, ВВС, ВМФ), ход важнейших НИР и ОКР. При этом Николай Николаевич преридеждался такого стиля работы, при котором каждый специалист не только представлял интересы аппарата Вооружения, но и являлся активным участником проводимых мероприятий в промышленности.

Ежегодно проводилось несколько заседаний ВТС МО. В качестве примера остановлюсь на двух. Они актуальны для сегодняшнего дня и заслуживают отдельного рассказа. В обоих мне довелось быть непосредственным участником. Первое из них было посвящено организации Алексеевым межвидовых исследований в масштабе Минобороны и оборонной промышленности в целом.

В связи с развёртыванием американцами в середине 70-х годов дозвуковых маловысотных стратегических крылатых ракет (СКР) наземного, воздушного и морского базирования Алексеевым были инициированы исследования "О роли и месте СКР в различных вариантах начала ядерной и безъядерной войны". Наряду с НИИ-2 ПВО, в кооперацию исполнителей этой НИР вошли институты других видов ВС (Ракетных войск стратегического назначения, ВВС и ВМФ) и Военная академия Генштаба (ВАГШ). Проведение исследований с участием головных институтов видов ВС, ВАГШ и промышленности гарантировало эти работы от влияния корпоративных интересов отдельных ведомств и их научных учреждений, способствовало лучшему использованию сильных сторон всех средств вооружённой борьбы.

На базе этой работы военный инженер НИИ-2 ПВО И. В. Ерохин с блеском защитил в ВАГШ диссертацию доктора военных наук. Его расчёты показали, что решение задачи борьбы с СКР силами только средств ПВО является серьёзной проблемой из-за отсутствия в районах прикрываемых объектов сплошного маловысотного радиолокационного поля. Кроме того, тактика применения СКР противника предусматривала подавление радаров ПВО помехами и последующий поэтапный вывод из строя радиолокационных средств ЗРК, без которых зенитные комплексы недееспособны. Результаты НИР были обсуждены на совещании у министра обороны маршала Д. Ф. Устинова, на котором было признано, что нападение крылатых ракет (по аналогии со стратегическими БР) может быть эффективно нейтрализовано **только угрозой нанесения вероятному противнику ответного адекватного удара**. Этот вывод был доведён до руководства Совета обороны СССР.

Второй пример касается проведения двухсторонних учений, а такие учения, между прочим, регулярно проводятся на Западе. Однако они были нелюбимы в видах ВС из-за сложности их организации и непредсказуемости результатов (нелюбимы они и в наше время!). Алексеев сумел договориться с маршалом П. Н. Кулешовым (ГРАУ) и генерал-полковником М. Н. Мишуком (ВВС), а также с главкомами СВ и ВВС И. Г. Павловским и П. С. Кутаховым. Учения были проведены летом 1975 года под руководством маршала Советского Союза А.А. Гречко. Перед авиацией стояла задача прорвать ПВО. Перед зенитными ракетными комплексами (далее ЗРК) – не допустить её прорыва. Они начались с разведки – с целью вскрытия радиолокационных средств системы войсковой ПВО силами ВВС в соответствии с утверждённым маршалом авиации Кутаховым планом. Авиация приступила к действиям после применения постановщиков активных помех, которые не только "забивали" локаторы, но и перехватывали управление и уводили от цели самонаводящиеся зенитные ракеты. По их результатам руководством СВ и ВВС были разработаны мероприятия, согласованные с промышленностью. Реализация мероприятий обеспечила успешное применение отечественных комплексов ПВО "Бук-1" против американских ВВС и нашей авиации – против американского ЗРК "Хок", аналога ЗРК "Бук-1", в конфликтах на Ближнем Востоке.

Небольшой комментарий. Опыт проведения двухсторонних учений показывает: они бескомпромиссны. Никаких шоу – "тепличных" стрельб на глазах верховного главнокомандующего по подставленным беззащитным мишеням. В них одна из сторон обречена на поражение и вытекающие из него "неприятные хлопоты" (включая взыскания), связанные с разработкой и согласованием с промышленностью и последующим представлением руководству планов мероприятий по устранению выявленных недостатков. "Шоу" истребителей в воздухе (маневр типа "кобра") не принесёт ожидаемого эффекта против авиационных ракет класса "воздух-воздух". "Прыжок" танка на земле не спасёт его от ракет класса "вертолет-танк", самонаводящихся на тепловое излучение двигателя танка, защищенного сверху только тонкой "крышей" из противопульной брони.

В своей работе Алексеев не терпел формализма и бюрократии. Действовал он нестандартно. Сотрудникам группы он предоставил большие права. Нам было доверено при необходимости самостоятельно выходить на министров оборонных отраслей промышленности, главнокомандующих видами Вооруженных сил, на аппарат Военно-промышленной комиссии и ЦК КПСС. В соответствии с установленным Николаем Николаевичем порядком каждый специалист нашего коллектива имел право в особых случаях непосредственно обратиться к руководству (“через голову” своих и прочих начальников) с официальным докладом, изложенным в письменном виде. Это не всем нравилось.

В памяти сохранился мой первый доклад Алексееву. Он касался вопроса проведения ОКР по созданию ЗРК (зенитный ракетный комплекс) малой дальности “Тор”. Неожиданно для меня против этой работы выступил мой непосредственный начальник – генерал-лейтенант Н. Н. Юрышев. Чтобы избежать столкновения с ним, я попросил конструктора этого комплекса – В. П. Ефремова – “пожаловаться на меня Алексееву”. Что тот и сделал в довольно резкой форме. На состоявшемся совещании Николай Николаевич поддержал моё предложение. Правда, оставшись со мной один на один, задал вопрос: “Вы попросили Ефремова обратиться с жалобой на себя?” Получив положительный ответ, он сказал, улыбаясь: “Известный приём”. Реакция моего начальника была нормальной.

– Молодец, – сказал он, – опрокинул меня, доказал, что можешь работать самостоятельно.

После этого случая Николай Николаевич вопросы, касающиеся моей сферы деятельности, стал решать со мной напрямую. Такой порядок практически исключал бюрократические издержки и сокращал бумажную переписку.

По установившейся традиции Алексеев направлял в группу специалистов документы, носящие идеологический характер, подготовленные управлениями аппарата вооружения для последующего доклада в высшие инстанции (в Правительство, Совет обороны и т. п.), для анализа и исключения ошибочных выводов при принятии решений. Предварительно заключения специалистов обязательно прорабатывались совместно с главными конструкторами и докладывались Алексееву лично.

Однажды на одном из служебных совещаний у Николая Николаевича его ближайший сотрудник генерал-лейтенант Спиридон Фёдорович Колосов высказал предложение изменить установленный для специалистов группы порядок.

– Почему? – спросил Н. Н. Алексеев.

– Субординация не должна нарушаться, – ответил Колосов.

– Вы не правы, – возразил ему, улыбаясь, маршал, – если обратившийся ко мне специалист будет прав, его оппонент, даже если это сам товарищ С. Ф. Колосов, должен сделать для себя вывод, а не осуждать обратившегося. Если окажется, что специалист не прав, то придётся подумать о более подходящей для него сфере деятельности. Таким образом, коллектив группы и вы, уважаемый Спиридон Фёдорович, благодаря установленному порядку, обречены на постоянное самосовершенствование.

Однако далеко не всё зависело от Алексеева. 1965–1980 годы были периодом апогея развития военно-промышленного комплекса СССР (ВПК). В то время деятельность ВПК связывалась с именами Л. И. Брежнева и Д. Ф. Устинова. Переход на целевое планирование был болезненным, так как затрагивал интересы многих руководителей оборонных предприятий, которые видели в этом угрозу ограничения своего влияния.

К середине 1960-х годов выявилась тенденция, связанная с медленным переходом нашей промышленности на производственную базу нового поколения, с одной стороны, и огромной устаревшей номенклатурой вооружения, формирующей пресс военных расходов, – с другой.

Немного истории. В те годы огромный ресурс ВПК стал тормозить модернизацию гражданского сектора народного хозяйства СССР, получившей название реформы Косыгина. Одной из её составляющих являлось совершенствование системы планирования производства в стране с определением оптимальных пропорций в развитии его приоритетных отраслей. Именно

“реформа Косыгина” послужила опорной точкой для Н. Н. Алексеева при разработке замысла Программ и Основных направлений вооружения и военной техники ВС СССР. Неожиданно её реализация вызвала противодействие на Старой площади (в ЦК КПСС): большая часть прибыли предприятий (даже сверхплановая) стала изыматься в пользу оборонного сектора. Косыгин счёл этот шаг убийственным для реформы и восстал против него. Брежнев вместе с “силовиками ЦК” не поддержал Косыгина, увидев в этом “умаление роли партии”.

“Диктат ЦК” сказался на примере развития отечественной микроэлектронной промышленности. Работая в Совмине, Алексеев тесно взаимодействовал с академиком А. И. Бергом. Оба хорошо знали все проблемы этого направления. Их горячим сторонником был министр электронной промышленности А. И. Шокин. В результате с помощью Косыгина решением Хрущёва был создан инновационный центр в Зеленограде. Советская микроэлектроника получила мощный импульс для создания микросхем, соответствующих мировому уровню (в США тогда было несколько подобных фирм). Однако вскоре ситуация изменилась. Директора серийных заводов, столкнувшись с трудностями при внедрении в серию новых технологий, в обход принятых решений породили практику заказа разработок новых микросхем по так называемым “зарубежным аналогам”. В этом вопросе они нашли союзников в ЦК. В результате **оригинальные разработки были вытеснены воспроизводством устаревших зарубежных аналогов**. Так было провалено важнейшее для экономики страны технологическое направление...

В сентябре 1976 года наше отставание в этой сфере получило скандальную известность в связи с угоном в Японию лётчиком Беленко перехватчика МиГ-25 (после знакомства японцев с бортовым локатором этого самолёта). Локатор, по оценке японцев, был выполнен “на уровне радиолюбителя 1958 года”. У Н. Н. Алексеева по этому вопросу была встреча с главным конструктором этого самолёта академиком Р. А. Беляковым, который, сославшись на просьбу Устинова, просил это обстоятельство не афишировать.

Несколько позже Д. Ф. Устинов был шокирован, узнав, что при обсуждении вопроса о поставках в Индию истребителей МиГ-23 руководство ВВС этой страны из-за низкой надежности электроники бортовой аппаратуры перехватчиков прорабатывает возможность её замены на аппаратуру западного и индийского производства.

Сказанное актуально: отставание в создании элементной базы, необходимой не только для обороны, но и для народного хозяйства России, **не ликвидировано до сих пор**, что создает серьёзную угрозу независимости нашей страны, в том числе в условиях санкций, вызванных кризисом на Украине. Так, если в 1990 году удельный вес микроэлектронной промышленности (ЭП) в объёме промышленности России и объёме машиностроения составлял соответственно 2,6 и 8,5%, то в первом десятилетии XXI века – около 0,25 и 1,5%, то есть **снизились соответственно в 10 и 6 раз**.

Положение с электроникой усугублялось структурным кризисом в сфере промышленности. Распределение заказов вошло в противоречие с ведомственной специализацией промышленных министерств. Сказанное подтверждает в своих воспоминаниях адмирал Н. Н. Амелько (в 1969–1978 годах – зам. главнокомандующего ВМФ, а с 1978-го – зам. начальника Генштаба по ВМФ).

“В те годы, – по словам адмирала, – в оборонных НИИ и КБ работало много талантливых специалистов. Однако зачастую их труд обесценивался. Это было связано с организацией производства военной техники: серийные заводы были узко специализированы, и военные вынуждены были принимать то, что производила промышленность. А производители, сообразуясь со своими узковедомственными интересами, стремились сделать побыстрее, но подороже”.

В то же время в “оборонке” в последующие годы нашлись мощности для разработки и производства в больших количествах нескольких типов средних танков, кораблей для Военно-морского флота, однотипных ракет, зенитных ракетных комплексов и массового выпуска оружейных боеприпасов. Попытка Генштаба отказаться от боеприпасов по причине их излишка (их негде было хранить) закончилась освобождением от должности заместителя начальника Генштаба генерал-полковника В. А. Аболенса без согласования с его начальником – Н. В. Огарковым. Разговор с ним в ЦК закончился вопросом: “А чем будут заниматься рабочие на заводе?..”

Подобных примеров много. Все они свидетельствуют о непростой обстановке, в которой внедрялась система долгосрочного планирования. Но Алексеев шёл до конца. Он считал, что ПЦП (программно-целевое планирование) будет содействовать устранению возникающих между разными ветвями власти разногласий и обезопасит экономику страны от корпоративно принимаемых решений.

В этот период под руководством Н. Н. Алексеева был детально проанализирован опыт работы американского агентства перспективных военно-исследовательских проектов (ДАРПА), в частности, предоставления ДАРПА права выделения ассигнований на ведение “рискованных” разработок типа “Стелс”, “Терком” и других прорывных технологий, а также опыт управления созданием систем оружия по критерию министра обороны США Роберта Макномары “стоимость – эффективность” и места в нём программно-целевого планирования. Исходными данными для проведения исследований послужили результаты организованных Алексеевым прогнозных НИР, научными руководителями которых стали выдающиеся учёные страны – академики АН СССР А. П. Александров, Е. П. Велихов, В. П. Глушков, В. А. Котельников, Б. Е. Патон, А. М. Прохоров, А. А. Расплетин, Н. Н. Семёнов и В. С. Семенихин.

Высокий уровень прогнозных исследований позволил использовать их как основу для организации перспективных НИР по разным направлениям. Так, в ходе этих исследований были изучены возможные последствия в случае применения оружия массового поражения. Комплексный прогноз “ядерная зима” показал, что **полномасштабное применение атомного оружия в мировой войне приведёт к глобальной экологической катастрофе для всего человечества**. Благодаря этим исследованиям были определены важнейшие параметры будущего вооружения, в том числе разработаны тактико-технические требования на высокоточные разведывательно-ударные комплексы, средства радиоэлектронной разведки и РЭБ (радиоэлектронной борьбы) в интересах ведения информационной борьбы на сухопутных, морских ТВД, а также при проведении воздушных операций и операций в космосе.

На основе проведённой работы было показано ключевое значение системного анализа при решении военно-технических задач при разработке альтернативных вариантов строительства ВС страны и обоснованы основные принципы, гармонизирующие систему управления военного планирования. Среди них первый определял соответствие военных приготовлений перспективам развития разрабатываемой зарубежной техники передовых стран Запада и реальным угрозам извне; второй – соответствие военных расходов (потребностей в вооружениях) экономическим возможностям страны; третий устанавливал системный подход к планированию развития ВВТ: рациональное сочетание количества и типажа вооружения с развитием Вооружённых сил в целом.

Для решения этой задачи в помощь аппарату вооружения Алексеевым был подключён (по согласованию с Н. В. Огарковым) 27-й ЦНИИ Генштаба – управление генерала В. А. Баранюка. Несколько позже на его базе по инициативе Алексеева был создан Институт стандартизации и унификации ВВТ во главе с генералом И. М. Пенчуковым – 46-й ЦНИИ МО, который в кооперации с видовыми НИИ видов ВС как головной НИИ заказывал исследования по системному анализу разработанных Генштабом сценариев вооружённых конфликтов. Особое внимание учёных было обращено на обоснование оборонной достаточности обычных вооружений. Их разработка, производство и обслуживание составляли львиную долю (более 90%) всех расходов на военное-техническое строительство. В результате проведённой НИР был разработан методический аппарат, позволивший провести оценку огромной номенклатуры ВВТ и определить её оборонную достаточность.

* * *

Алексеев как начальник Вооружения всегда был общительным и доступным, он внимательно прислушивался к советам и предложениям своих соратников, ценил и поддерживал их дельную инициативу, умел сочетать воинскую субординацию с глубоким уважением к каждому человеку. И нет ничего удивительного в том, что наш аппарат всегда был дружным, надёжным, работоспособным. Естественно, на высокое доверие со стороны Н. Н. Алексеева мы

отвечали самоотверженной работой. А он защищал нас в сложных ситуациях, не считаясь с любыми авторитетами. Даже в тех случаях, когда ему это было непросто.

Как-то Алексеев поручил заместителю начальника группы специалистов вице-адмиралу Н. Г. Кутузову доложить заведующему Оборонным отделом ЦК И. Д. Сербину о создании вооружения для кораблей ВМФ и в рабочем порядке обсудить с ним проект готовящегося решения до представления министру обороны (члену Политбюро ЦК) А. А. Гречко. Возглавляемый Сербиным Отдел был последней инстанцией, готовившей важнейшие решения для ЦК КПСС. В силу этих обстоятельств он был особенно требовательным, а подчас и очень жёстким. Из-за дефицита времени работал допоздна. По какой-то причине, неизвестной адмиралу, Сербин неожиданно накричал на него и, обругав, выгнал из кабинета в присутствии знающих Кутузова конструкторов. Естественно, тот был возмущён. Дело дошло до А. Я. Пельше, тогда – председателя Комиссии Партийного контроля при ЦК, который обязал Сербина извиниться. Так как Кутузов уклонился от встречи со своим обидчиком, он был вызван к А. А. Гречко, в кабинете которого его встретил Сербин и принёс свои извинения.

Когда Алексееву был доложен кадровыми органами список на очередные увольнения выслуживших срок службы сотрудников аппарата, в котором значился Кутузов, Николай Николаевич вычеркнул из списка “неудобного” адмирала. Николай Георгиевич Кутузов был отправлен на пенсию через несколько лет, после того как он сам подал рапорт с просьбой об отставке.

Вспоминает генерал армии М. А. Гареев: “Одним из фундаментальных факторов, гармонизирующих систему военного управления, является вопрос о рациональном сочетании политики и военной стратегии”. Как это показательно! Когда в 1979 году Н. В. Огарков на Политбюро сказал, что ввод советских войск в Афганистан может иметь тяжёлые международные последствия, Андропов прервал его и заявил: “У нас есть кому заниматься политикой, вы решайте поставленную вам военную задачу”.

Решение о вводе войск в Афганистан было принято в отсутствие Косыгина, который тяжело болел, и вопреки позиции начальника Генштаба, которого поддерживал, вместе с другими членами Коллегии Минобороны, Н. Н. Алексеев. Об этом решении в Генштабе стало известно 10 декабря 1979 года. Сегодня очевидно: **болезнь и уход с поста председателя Совмина А. Н. Косыгина оказались для нашей страны роковыми.** Только политический авторитет Косыгина мог повлиять в создавшейся обстановке на позицию инициаторов этого решения: Андропова, Громыко и Сулова. Косыгин мог компетентно с цифрами в руках обосновать, что эта авантюра нанесёт непоправимый удар экономике страны. Наши войска в Афганистане не могли обойтись без строительства казарм, командных пунктов, дорог и военных аэродромов, требующих огромных затрат, не говоря уже о содержании и жизнеобеспечении находящихся в этой стране людей. **Повторюсь, это решение было принято без обсуждения на Коллегии Минобороны.** Теперь известно, что решение о вводе советских войск в Афганистан было принято в спешке, без необходимого анализа. Члены Коллегии считали, что “собственный Вьетнам” нам не нужен, – он приведёт только к усилению мятежного движения в Афганистане. В результате руководство нашей страны попало в ловушку американских спецслужб, главной задачей которых было втянуть СССР в афганскую авантюру, что, в конечном итоге, способствовало развалу Советского Союза.

* * *

Как заместитель министра, Николай Николаевич являлся главным организующим звеном коллектива опытных руководителей, отвечающих за конкретные предметные области программного планирования. Благодаря его влиянию, работа этих людей строилась в атмосфере творчества при полном доверии друг к другу. Эта аксиома распространялась также на работу с группами управления любого ранга – от начальника Вооружения Минобороны до заказчиков ВВТ, оборонных НИИ, КБ и аппарата Правительства.

Основные направления и Программы вооружения и военной техники до 1985 года, разработанные и внедрённые в практику по инициативе Н. Н. Алек-

сеева, были выпущены при его жизни отдельным документом Государственной комиссии СМ СССР по военно-промышленным вопросам. Позже постановлением ЦК КПСС и СМ СССР они были с уточнениями пролонгированы на 1986-1995 годы в рамках “Контрольных цифр расходов на оборону”. Прделанная Н. Н. Алексеевым работа получила высокую оценку. В 1979 году ему Указом Президиума Верховного Совета было присвоено звание “Маршал войск связи”.

Долгосрочное планирование выдержало проверку временем и приобрело особую значимость в рыночных условиях – при ограничении бюджетных ассигнований на нужды обороны. Эта методология позволяет формировать современную систему вооружения ВС России, последовательно её модернизируя и наращивая.

Работа по внедрению в практику перспективного планирования требовала от Н. Н. Алексеева огромного напряжения сил. Однако здоровья оставалось у израненного фронтовика всё меньше и меньше. В апреле 1980 года Н. Н. Алексеев перенёс инсульт. 12 ноября 1980 года его не стало...

На Новодевичьем кладбище ему установлен памятник работы скульптора Сонины. Именем Н. Н. Алексеева названа улица в Ростове Великом и одна из школ Нижнего Новгорода, построенная благодаря его депутатским заботам. В музее артиллерии Санкт-Петербурга открыта посвящённая ему экспозиция.

Человек может быть талантливым учёным, инженером, военачальником... Но есть особый талант, освещающий любую профессию, – это талант быть Человеком. Николай Николаевич прожил долгую жизнь, воспитал вместе со своей супругой Зинаидой Кузьминичной двоих детей. Но самое главное – он нашёл своё достойное место среди людей, а это дорогого стоит. Его последователи обязаны, имея за плечами богатейший задел, созданный их предшественниками, и в XXI веке обеспечить оборону и безопасность России, отдавая делу себя полностью, без остатка, как это делал советский маршал Алексеев.

Редакция журнала с искренней теплотой поздравляет своего давнего друга и автора, замечательного писателя и литературного деятеля Тимура Исхаковича Пулатова с 75-летием. Родившийся в сердце Азии, в древней Бухаре, городе, славном своими культурными традициями, Тимур Пулатов ещё в 60-е годы прошлого века вошёл в советскую литературу повестями и романами, сразу привлёкшими к себе внимания массового читателя своим восточным колоритом, богатством языка, причудливой изысканностью сюжета. В сложное время начала 90-х годов Тимур Исхакович возглавил Международное сообщество писательских союзов (МСПС), организацию, достойно заменившую собой прекративший существование Союз писателей СССР.